

— первая среди лучших —

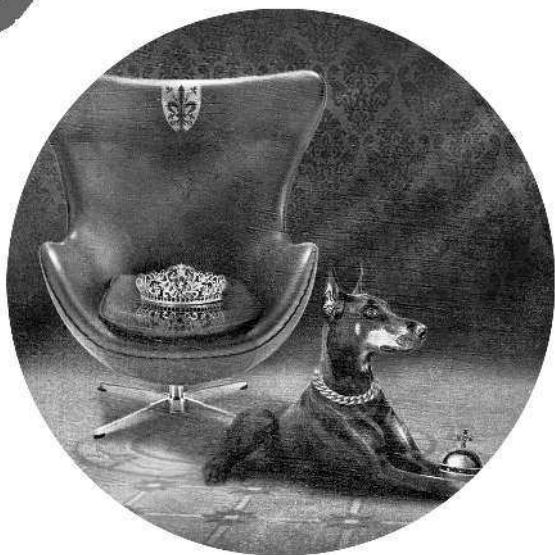

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

ТАТЬЯНА Устинова

Первое правило королевы

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

В оформлении книги использован шрифт «Клементина»
© Студия Артемия Лебедева»

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Первое правило королевы : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-83504-1

Инна Селиверстова, руководитель информационного управления Белоярского края — «царица Савская, Клеопатра, стерва и зараза», как называли ее недруги и противники, — впервые растерялась. Убит губернатор края Мухин. Потом кто-то застрелил и его вдову, причем Инна находилась в это время в другой комнате. Как во сне она схватила со стола какие-то газеты с надписью «Селиверстовой» и скрылась из страшного дома. Утром объявили, что Мухина умерла от инфаркта... Началась борьба за губернаторский трон. И тут появился основной претендент — олигарх Александр Ястребов. Инна с ужасом узнала в нем своего случайного любовника, который «утешил» ее после развода с мужем. Слишком много всего навалилось на Инну — она не может разгадать загадку убийства Мухина и его жены, продолжается ее странная «связь» с Ястребовым, она чувствует, что втянута в какую-то страшную игру и ей надо переиграть противника, прежде чем он ее уничтожит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015
ISBN 978-5-699-83504-1

*Посвящается Людмиле Селивановой.
Такие женщины, подобно комете Галлея,
появляются раз в столетие.*

Неприятель отражен на всех пунктах.

*Из донесения М. И. Кутузова
Александрю I*

— Я ответила на ваш вопрос?

Очки ведущего как-то неожиданно высунулись вперед и блеснули с изящным ехидством.

— О да, — пылко ответил он и, моментально изменив тон с пылкого на интимный, продолжил: — А вот еще говорят... думаю, что многие наши зрители не раз слышали... говорят, что вы каждый день меняете шубы. Это правда?

Инна улыбалась.

— О да, — воскликнула она с бумеранговой пылкостью, — конечно, правда, Гарик!

После чего перегнулась через голубой сверкающий стол и добавила почти шепотом — впрочем, шепот этот отлично был слышен как в наушниках у всей съемочной команды, так и с той стороны экрана, где находилась, как это принято называть, «зрительская аудитория».

— Гарик, — прошептала она, — хочу вам признаться. Я каждый день меняю шубы, бриллианты и мужчин! Только никому не рассказывайте!

Такого ведущий никак не ожидал, да еще под самый занавес. Глаза за стеклами интеллигентных очков стали растерянными. Вообще Инне было его жалко — взялся, бедолага, интервьюировать знаменитостей, а они вон какие штуки откалывают, черт бы их побрал!.. Попробуй уследи за ними, когда в сценарии у тебя одно, а в эфире выходит совсем другое!

Инна молчала. Гарик решил, что нужно засмеяться, — и засмеялся неуверенно. Она его не поддержала.

— И вы, — заговорил он, — так легко в этом признаетесь?..

— В чем, Гарик? — неторопливо спросила она, и он понял, что на этот раз точно угодил в ловушку.

Ему теперь придется повторить про «шубы, бриллианты и мужчин», а делать этого никак не следовало, наоборот, нужно бы «проехать», «проскочить» опасное место и больше к нему не возвращаться, а он вернулся — сам! — и попал прямо в пасть к беловолосой мегере!

— Э-э, — тоскливо проямлил Гарик и с неуклюжестью слона перешел прямо к следующему вопросу: — Инна, у вас хорошие отношения с губернатором Белоярска?

— Гарик, а у вас хорошие отношения с министром печати?

Нет, все-таки она решила его добить, эта стерва!..

— С министром печати? — переспросил он жалобно. — А почему, собственно... Да нет, у меня с ним никаких отношений нет — ни плохих, ни хороших!

— У меня тоже нет ни плохих, ни хороших отношений с губернатором Белоярска.

— Позвольте, но вы ведь работаете... в администрации Белоярского края, а краем руководит губернатор...

— Но вы ведь тоже работаете на телевидении, а телевидением руководит министр.

— Не напрямую, не напрямую! — Не хватало ему еще, чтобы она затеяла разговор о свободе слова, когда до конца эфира осталось тридцать секунд!

— Губернатор Белоярска тоже не руководит мной... напрямую, Гарик!

Все это было двусмысленно, странно, с подвохами, да еще такими, с которыми он не умел справиться!

Наушник напомнил ему, что пора бы попрощаться, и он с радостью и облегчением проговорил, глядя в черную дыру камеры:

— Сегодня у нас в гостях была Инна Васильевна Селиверстова, руководитель информационного управления администрации Белоярского края. Я прощаюсь с вами до завтра и надеюсь, что мы встретимся вновь в программе «Единственный герой». С вами был Гарик Брюстер.

После чего некоторое время они посидели неподвижно, как сфинксы, улыбаясь стеклянными улыбками — друг другу.

В мониторе завертелась реклама, и голос ниоткуда сказал на всю студию довольно кисло:

— Отлично. Всем большое спасибо.

Даже без этого кислого голоса было ясно, что эфир неудачный.

Ведущий выдернул из уха микрофон. Инна расслабилась — закинула одну ногу на другую. Ноги были безупречные. Она никуда не спешила.

— Спасибо вам, Инна Васильевна, — поблагодарил ее Гарик досадливо. Шнур застрял под пиджаком и никак не вытаскивался.

— Не за что, Гарик, — откликнулась она.

Улыбка была ледяной и сладкой. Гарик поежился, словно это ледяное и сладкое вылилось ему за шиворот.

Подскочили бойкие молодые люди и проворно отцепили от микрофонов Инну и запутавшегося Гарика.

— Э-э, — протянул Гарик, который уже видеть ее не мог, — вас проводит... вот... Сережа.

— Спасибо.

За камерами в сумерках студии возникла продюсерша — средних лет, в брюках и мятом пиджаке.

— Инночка, все получилось отлично! — Много

лет никто не называл ее Инночкой, да еще на людях, но на телевидении свои законы. — Немножко в конце... смазано, но это не страшно! Наш Гарик просто чуть-чуть растерялся. Еще раз спасибо, что пришли.

Гарик не «чуть-чуть растерялся», а чуть в обморок не упал, поправила ее про себя Инна. Впрочем, как известно, «чуть-чуть» не считается.

— Мы пришлем вам кассету с записью эфира. Вам нужна запись?

— Хотелось бы.

Она должна посмотреть, где и какие сделала ошибки, да и вообще — как сидела, как смотрела, как отвечала, как выглядела, как была причесана. Она всегда анализировала свои эфиры тщательно, придирчиво и отвлеченно, как будто там, в телевизоре, была вовсе не она, а какой-то другой человек, и этот холодный и пристрастный взгляд всегда позволял ей найти собственные оплошности, учесть и в следующий раз избежать их.

Она изо всех сил старалась не походить на запыленных «государственных» теток, дающих интервью «из нашей студии «Россия», в прическах с начесом, путающихся в словах и не умеющих улыбаться. Она старалась — и ей это удавалось.

Уверенно держась на высоченных тоненьких каблучках, она подошла к краю подиума, на котором помещалась декорация, и, не глядя, протянула руку.

Тотчас же протянулась мужская рука, которая вежливо помогла ей сойти на студийный пол.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила она.

— Царица Савская, — на ухо свистнул один оператор другому, — королева Марго. Говорят, зараза и стерва — не приведи господи!

— Зато ноги — блеск, — отреагировал коллега, известный ходок по дамской части. — Такие бы ноги, да какой-нибудь кысочке, а они аллигатору достались!..

Они проводили ее взглядами — прямая спина, короткие белые волосы, сужавшиеся на длинной шее, маленькое ухо с бриллиантовой гроздью, тонкий запах сложных духов.

Э-эх!..

Шубы, бриллианты и мужчины, да еще каждый день!.. Вот это баба!..

Выйдя из студии, она первым делом включила телефон. Знала, что за час, который была вне зоны приема, ее наверняка разыскивали десять раз, а может, двадцать, а может, сорок, но проверить автоответчик не успела — телефон зазвонил.

— Инна, я вас провожу, — из-за спины начала было продюсерша, но та ответила быстрой улыбкой и повернулась спиной, что означало — подожди, не мешай.

Звонил муж, два месяца назад превратившийся в бывшего. То есть развели их вчера, а два месяца назад он решительно объявил ей, что «все кончено».

До этого он тоже говорил «кончено», но не уходил, а два месяца назад ушел.

— Привет, — сказал он озабоченно, — ты где? В Москве?

— В Москве.

— Ах да! — спохватился он. — Только что по телевизору видел!

— Ну и как тебе программа?

— Я не стал смотреть, — с готовностью признался он, и она моментально поняла, что телевизор был упомянут специально ради того, чтобы сказать ей, что он «не стал смотреть» — переключил на футбол.

— Ну и как тебе футбол?

— А? — переспросил бывший муж, немного растерявшись. — А, ничего. Все в порядке. Слушай, Иннуль, а где мой костюм? Ну, знаешь, с жилеткой? Что-то я его не могу найти, а Анька, зараза, смылась.

«Зараза Анька» — домработница — смылась неспроста.

«Я его если увижу, Инна Васильевна, — чуть не плача сказала она, перед тем как Инна уехала в «Останкино», — я ему в рожу вцеплюсь! Вам же хуже будет. Отпустите меня, а?!»

Инна ее отпустила, и бывший муж собирал теперь свою часть «совместно нажитого имущества» в полном одиночестве.

Нелегко ему, бедняге, подумала Инна.

Всю жизнь за ним ухаживали — сначала мать с бабкой, потом первая жена, потом она, Инна, а теперь вот «новая счастливая семейная жизнь» подключилась. Но так как «новая счастливая» не могла ухаживать за ним в Инниной квартире, пришлось ему самому трудиться, и, как видно, от непосильного труда он уже изнемог. Собирать вещи, когда ни разу за всю жизнь не поинтересовался, где они лежат, — вот, черт побери, задача!..

Зато Инна все хорошо знала — про костюмы, майки, шорты, двухтомничек Мандельштама, бритвенный прибор, коробку с компакт-дисками — джаз, разумеется! — про два десятка шелковых галстуков и пяток сложных концептуальных фильмов Вуди Аллена и Питера Гринуэя.

Больше от мужа ничего не осталось.

«Давайте я все соберу и у двери поставлю, — с ненавистью предложила Аня. — Он тут нам все перебурует, если сам собираться станет!»

Но Инна не желала облегчать его и без того веселую жизнь.

«Перебурует — разберем», — мрачно ответила она домработнице и уехала на съемки.

— Иннуль, где костюм?

— В гардеробе с правой стороны. За твоей зимней курткой, — автоматически ответила она. Продюсерша

за спиной разговаривала с кем-то из группы, голос был недовольный.

— Куртку я уже упаковал, — радостно сообщил муж, — а костюм что-то... Подожди, я сейчас посмотрю.

И она стала ждать. Он сказал: «Подожди, я посмотрю», — и она послушалась. Как всегда. Не положила трубку, не отключила телефон, не послала его к чертовой матери.

Ему нравилось, что она так от него зависит. Так слушается. Так переживает.

В последнее время ему еще очень нравилось собственное положение — умница, красавица, начальница, интеллектуалка Инна умоляла его не уходить, «подумать», «попробовать еще раз», обещала, что «все теперь будет по-другому», плакала, не спала, курила, даже подурнела, вот как убивалась!..

А он всю и от души играл — разочарованного мужа, задавленного непониманием и неприятием «родной жены», которой давно опостылел холодный семейный очаг, которая «пустилась во все тяжкие», «растоптала», унизила, оскорбила, собственноручно убила «большое светлое чувство» — и получила по заслугам! Он ушел «к другой», которая понимает, разделяет, у которой правильная «система ценностей», и вместе с этой «другой» и ее подходящей системой он вволю наслаждается джазом и этнической музыкой и с утра до ночи сможет декламировать из Мандельштама — «другая» поймет!

Кларк Гейбл, черт возьми!..

Самое главное, что он и чувствовал себя почти Кларком Гейблом — свободным, чувственным, раскрепощенным, обожаемым женщинами, которые борются за него, и жена — блестящая, умная, высокопоставленная! — проиграла!.. Он выбрал «новую счастливую семейную жизнь», а старую затоптал в пыль, да еще плюнул в самую середину.

— Нашел, — весело сказал он в трубке. Был уверен, что она все еще ждет, и не ошибся. — Он же в мешке, а я так искал.

— Все, Виктор? — холодно спросила она. — Я еще в «Останкино», у меня... дела.

— Ты когда приедешь?

— Не знаю. Не скоро.

— Приезжай, — позвал он. — Давай хоть простимся, как люди!

— Виктор, мы пытались, как люди, и у нас ничего не вышло.

— Это у тебя ничего не вышло. — Он ехидно засмеялся. — Я же тебе говорил, чтобы ты перестала дергаться. Я тебе не нужен, и ты мне не нужна.

— Ты мне нужен, — сквозь зубы сказала она.

Господи, почему она опять позволяет ему втягивать ее в этот нелепый, нескончаемый, кошмарный разговор, который они вели уже полгода!

Ему нравилось слегка подшучивать над ней, натягивать и ослаблять веревку, в которую уже была просунута голова повешенного — ее голова! И она могла точно сказать, когда именно понравилось: когда он заявил, что «все кончено» — как в кино! — а она зарыдала и стала умолять его остаться, и он остался, снисходительный к ее слабостям, обрадованный ее унижением, мужчина-победитель, можно даже сказать, орел-мужчина, в одну минуту отряхнувший с ладоней прах десятилетней совместной жизни.

— ...Приехала бы, — говорил он в трубку, — попили бы кофейку, я «Божоле» привез. Посидели бы, Иннуль!

— Витя, если ты не знаешь, где твои вещи, Аня завтра все соберет. Я не приеду.

— Ну, как хочешь. А ты где? Ах да, в Москве!.. Когда улетишь?

— Я не знаю пока. Я только прилетела.

— А что? Дела?

— Дела. Виктор, я больше не могу разговаривать.

— Да брось ты, — сказал он добродушно, — не страдай. На самом деле ты сама во всем виновата. Помнишь, как я...

Но тут она не далась.

Ей некуда бежать — со всех сторон жала стальная клетка, а она была зверем, которого прижимали к сетке, и кололи ножами, и до крови били в ребра и зубы, и еще сапогом в незащитный живот, но почему-то все никак не убивали до конца — оставляли забаву «на завтра», чтобы опять прийти и опять колоть, и так без конца.

Но на этот раз она не далась.

— Пока, — попрощалась она стремительно. В желудке было холодно и тяжело, как будто она наглоталась речных камней. — Передавай привет нашей молодежи. Скажи, что я ей сочувствую. У нее впереди много интересных и занимательных открытий.

— Ты просто сука, — сказал муж равнодушно, и телефон замолчал.

Инна вытерла ладони о юбку и посмотрела — на ткани остались следы пятерни.

— Инна Васильевна!..

— Да.

— Вы уже уходите? Генеральный просил непременно проводить вас к нему! Он не знал, что вы у нас сегодня в эфире, и просил прощения, что не встретил, и...

— У меня самолет, — соврала она, — через час. Я... и так опаздываю. Привет Паше.

Пашей — Павлом Алексеевичем — звали генерального, и при мысли о том, что она должна с ним встретиться, не приведи господь — ужинать, разговаривать, слушать, камни в желудке пришли в движение и ползли друг на друга.

Мой муж в моей квартире сейчас собирает вещи, чтобы уйти от меня навсегда, а вы разговариваете со мной, словно я нормальный человек, такой же, как вы все!

Его никогда больше не будет в ее жизни, а она — идиотка! — считала, что с ней ничего такого ни за что не случится! Она была почему-то уверена, что оба они слишком умны, чтобы вот так, ни с того ни с сего, удариться в «новую счастливую семейную жизнь» — все с тем же Мандельштамом, джазом и «Божоле», с которых когда-то началась их «счастливая жизнь»!

Водитель все знал. Он возил ее последние семь лет: сначала — когда она стала замом председателя скромной телерадиокомпании, потом — когда перешла в пресс-секретари, и теперь — когда руководила «средствами массовой информации» огромного Сибирского края.

Он все знал. И все сделал по-своему.

Инна точно помнила, что ничего не говорила ему, когда садилась в машину, и он ей ничего не говорил. И потом ничего не говорила, когда, сгорбившись, покачивалась на заднем сиденье, неотступно и тяжело думая о куртке, которую муж, наверное, уже забрал и сунул в рюкзак, а ей так нравилась эта куртка, и Виктор в ней тоже нравился. И еще думала о том, что завтра ей возвращаться в Белоярск, а до этого запланирована встреча с новым начальником из администрации президента, и неплохо бы до нее посмотреть бумаги, которые она готовила. А потом нужно попытаться надавить на губернатора, который отродясь с прессой «не водился» и вообще отчасти не понимал, кому она нужна, эта пресса, — и об этом она тоже думала, и о десятке других важных и нужных дел, но все заслоняла куртка, которую он забрал, и это значит — все, конец, больше ничего не будет.

Она очнулась, когда поняла, что машина больше

не едет. Почему-то вдруг накатила такая усталость, как будто она ворочала жернова на мельнице.

— Мы где? — Инна посмотрела в окно и не узнала. — Где мы, Осип Савельич?

Водитель с таким диковинно-литературным именем глядел на нее из зеркала заднего вида. Вид у него был угрюмый. Не только именем, но и видом он походил на кулака и белобандита из романа-эпопеи «Вечный зов».

— Ты бы, Инна Васильна, не убивалась так уж, — мрачно сказал он. — Молодая, красивая, богатая, карьеру вон какую сделала! Из-за какой-то... тьфу!.. мокрицы так себя изводить!..

Водитель был проверенный боевой товарищ, лучший друг, член семьи, он имел право говорить все, что угодно, но пользовался этим правом очень редко — даром что походил на кулака, а понимал ситуацию, как любой придворный!

Инна молчала.

Он имел право говорить. Она имела право не слышать.

— Куда ты меня завез?

— Да куда я тебя не завез! В пансионат завез! Я как услышал, что сегодня твой... Хулио Иглесиас нагрянет, я сразу сестре позвонил, она директорствует тут. Нечего тебе сегодня домой ехать, здесь переночуешь, она уж отдельную дачку для тебя приготовила! Анька завтра с утра все там уберет, тогда поедешь, а сегодня — погоди, побудь на дачке!..

— Ну ты даешь, Осип Савельич, — тихо сказала Инна, — или тебе с сестрой надо увидеться?

— Вот еще, — оскорбился водитель, — я с ней и так в любой момент могу увидеться!

— И убирать там ничего не нужно, — продолжала она, — не за покойником ведь!

— Да лучше б он сдох!..